

УДК 130.2

К ВОПРОСУ О ФОРМИРОВАНИИ РЯДА ПРИНЦИПОВ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ОБЪЕКТОВ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ

Пиляк С.А.

По результатам проведенного анализа автором сформулированы следующие принципы интерпретации культурного наследия, определяющие ее специфику: принцип осовременивания предмета интерпретации, принцип идентичности, принцип цифрового воплощения материального культурного наследия, принцип актуализации культурного наследия, принцип деконструкции, принцип темпоральности интерпретации культурного наследия и принцип семиотической природы культурного наследия. Примеры объектов архитектурного наследия, приведенные в статье, позволяют наглядно представить специфику интерпретации культурного наследия. Действие сформулированных принципов возможно распространить на интерпретацию всего культурного наследия.

Ключевые слова: интерпретация, восприятие, культурное наследие, материальное культурное наследие, культура.

ON THE FORMATION OF A PRINCIPLES NUMBER FOR THE INTERPRETATION OF CULTURAL HERITAGE OBJECTS

Pilyak S.A.

Based on the results of the analysis the author formulated the following interpretation principles of cultural heritage, which determine its specifics: the principle of modernization of the interpretation subject, the principle of identity, the principle of digital embodiment of material cultural heritage, the principle of actualization of cultural heritage, the principle of deconstruction, the principle of temporality of cultural heritage interpretation, and the principle of the semiotic nature of cultural heritage. The examples of architectural heritage objects given in the article allow us to clearly present the specifics of the cultural heritage interpretation. The

effect of the formulated principles can be extended to the interpretation of the entire cultural heritage.

Keywords: interpretation, perception, cultural heritage, material cultural heritage, culture.

Интерпретация культурных ценностей и культурного наследия является одним из наиболее распространенных видов их освоения и творческого осмысления. Базовый для сферы отечественной культуры Закон [см.: 1], используя термин «интерпретация», тем не менее, не дает его толкования. Согласно положениям Закона, творческий работник это – физическое лицо, которое создает или интерпретирует культурные ценности, при этом само понятие «культурная деятельность» излагается как деятельность по сохранению, созданию, распространению и освоению культурных ценностей. Таким образом, понятие «интерпретация» остается размытым среди смежных процессов, не получая особого осмысления, трактовки и упоминания. В сфере сохранения культурного наследия интерпретация коренным образом отличается от освоения и создания прямой связью с публикацией, которая без интерпретации практически неосуществима. В настоящее время понятие «интерпретация» нуждается в расширении, уточнении, систематизации факторов, оказывающих влияние на процесс интерпретации, а также – в законодательном закреплении данного понятия.

Как отмечают исследователи, «гуманитарное явление существует только в мире культуры...» [21, с. 129]. В каждой культурной ценности в знаково-символической форме зафиксирована эстетическая, психологическая и историческая информация. Интерпретация призвана обеспечить получение человеком данной информации. Для адекватного восприятия культурных ценностей интерпретатор нуждается в обретении знания во многих областях. «К таким моментам относятся культурно-исторический контекст, языковые характеристики, психологические, мировоззренческие, жизненные установки автора текста и его исследователя» [21, с. 132]. В целом интерпретация

материального культурного наследия является сложным процессом, обладающим особой спецификой. Выделение ряда принципов позволит сформулировать наиболее важные особенности интерпретации как процесса познания.

Современные методики сохранения объектов материального культурного наследия зачастую подразумевают изменение вида и материала конструкций, а также выполнение элементов, составляющих предмет охраны, из новых материалов. Особое внимание ревнителей наследия традиционно вызывает допустимая законодательством полная ликвидация подлинного объекта культурного наследия с одновременным созданием полноразмерного макета. Является ли это реставрацией либо только интерпретацией, зависит лишь от субъективного мнения экспертного сообщества. Так или иначе, в любом прикосновении к объекту культурного наследия интерпретатор «осовременивает» предмет интерпретации, что позволяет сформулировать принцип осовременивания предмета интерпретации.

Примеры, связанные с архитектурным наследием, способны весьма подробно отразить специфику, свойственную наследию в целом. Ярким примером, способным проиллюстрировать данный тезис, является интерпретация кремлей российских городов. Первоначально возведенные как защитные сооружения, кремли постепенно утратили изначальный функционал. В дальнейшем это даже привело к их полной или частичной ликвидации. До сих пор в России сохраняются чуть более десятка кремлевских ансамблей. В их образном решении существуют заметные различия, которые определили индивидуальное отношение к их сохранности, и, итог, к их текущему содержанию. С учетом актуальности проблемы сохранения объектов культурного наследия, данная ситуация требует особого рассмотрения.

Некоторые кремли становятся архитектурными символами, и, благодаря такому смысловому наполнению, получают необходимую поддержку на содержание, как в случае Московского кремля, служащего символом и зримым свидетельством незыблемости и сакральности власти. Стены и башни

Московского кремля, построенные в XV веке, уже к XVII столетию утратили свое фортификационное значение. Увенчанные высокими шатрами в эпоху абсолютизации монархии, башни должны были отмечать место пребывания монарха. В данном контексте объяснимо использование подобных архитектурных форм и при строительстве загородных царских резиденций первых Романовых. Впоследствии стены с зубцами и башни под конусовидными или многоярусными завершениями становятся своеобразным архитектурным шаблоном, интерпретированным образом Московского кремля XVII века.

Во-первых, объекты кремлей имеют большой потенциал в сфере патриотического воспитания и популяризации событий военной истории государства. Кремль, занимающий, как правило, центральную часть города, окаймленный городскими площадями, насыщенный административными зданиями и культурными объектами, с учетом доступности, по определению обладает высокой способностью предъявить собственный историко-культурный потенциал. Например, масштабные реставрационные работы на объектах Нижегородского и Новгородского кремлей, начатые после Великой Отечественной войны, позволили представить фортификационные сооружения в качестве зримых символов важных событий российской военной истории, что, имеет высокую актуальность и в наши дни. В ближайшее время аналогичные работы планируется провести на объектах Смоленского кремля.

Во-вторых, кремли выступают символами региональной идентичности. Для крупных региональных центров создание условий для поддержания хорошего состояния кремлевских ансамблей является важной составляющей частью формирования престижа региона. Как известно, «национальная культура приобретает известность во всем мире только тогда, когда ценности, развитые в ней, становятся достоянием всего человечества» [24, с. 4]. Подобный подход возможно применить и в части регионов крупного государства.

В-третьих, кремли могут выступать в качестве объектов культуры и искусства. В российских реалиях такой подход остается реализуемым лишь частично. Близкая концепция реализована в кремлях Рязани, Тулы и Астрахани. При этом немалое количество музеефицированных монастырских ансамблей дает понимание широких возможностей применения этого метода.

Принцип идентичности заключается в отождествлении человеком самого себя с определенными типологическими категориями, выделяемыми как некие общности, имеющие ряд отличительных свойств. Естественно, в процессе интерпретации причастность как интерпретируемого объекта, так и самого интерпретатора к дополнительной общности, способна оказать серьезное влияние на результат интерпретации. При интерпретации материального культурного наследия одним из наиболее заметных принципов формирования идентичности является региональная специфика.

Как отмечают исследователи, «несмотря на единство цивилизационного типа, культуры всех регионов страны уникальны в силу географических, природно-климатических особенностей, наличных природных богатств, существующей инфраструктуры, исторического развития, демографической ситуации» [32, с. 40]. При этом наиболее характерными отличительными культурными особенностями регионов среди многих традиционно называют фольклор, ремесла, традиционную архитектуру, в том числе и музеефицированные комплексы под открытым небом [32, с. 43].

Региональная специфика, отраженная в культурном наследии, приобретает в эпоху ускоряющейся глобализации особое значение [5, с. 16]. Одновременно интерпретация культурного наследия серьезно зависит от осознания причастности культурному наследию определенного региона и уровня взаимопроникновения идентичности человека и культуры [см.: 15].

Р. Бретон формулирует три качества идентичности. Во-первых, идентичность обладает потенциалом в реализации интересов людей. Во-вторых, идентичность способна увеличить уровень взаимозависимости. В-

третьих, идентичность является опорой на общую историю, наследие, веру и язык [см.: 38].

Большое значение в сохранении и интерпретации культурного наследия имеет региональная и национальная специфика. Как известно, «каждый регион имеет свой культурный ландшафт, природно-климатические условия, место расположения территории, что не может не отразиться на процессах социокультурной сферы» [13, с. 144].

С учетом борьбы с размыванием региональной специфики одним из наиболее действенных способов является «сохранение, коррекция и тиражирование «образов» и материальных форм, органичных для соответствующих этнокультурных образований» [35, с. 34]. В настоящее время, как отмечают различные исследователи, этнокультура, не подкрепленная традиционными методами хозяйствования, существует в основном в информационном пространстве. Соответственно, хранение и воспроизводство этнокультуры осуществляется методами информационной и цифровой культуры.

Также весомое значение в формировании идентичности материального культурного наследия имеют духовная и религиозная идентичность. «Современная ситуация в мире обнажает опасность бездуховности, которая проявляет себя именно как отсутствие цельности, гармоничной взаимосвязи всех сторон» [14, с. 257]. «Религиозность раскрывает глубину человеческой души в ее поступках как актах нравственного самоопределения» [34, с. 177]. К. Кокшенева именуется церкви «знаком веры» [20, с. 14]. Также храмы могут служить «знаком религии», то есть неким верстовым камнем, отмечающим поле присутствия приверженцев определенной религии.

Как отмечает Л.М. Мосолова, к настоящему моменту регионалистика превратилась в макродисциплину, обобщающую материалы многих специализированных исследований, в том числе археологические, этнографические, антропологические и другие, что сближает регионалистику с культурологией [27, с. 101]. Закономерно, что эквивалентом понятия «регион»

в культурологии выступает понятие «историко-культурная зона», введенное Г. Лебедевым и А. Гердом, создающее предпосылки для анализа территориальных общностей.

Как отмечают исследователи, «регионализация по своей внутренней сути является обособлением и отграничиванием по принципу "наше – не наше", "мы – они", что, в свою очередь, связано с самоидентификацией, самоопределением и самоотнесением совокупности людей к определенной общности "региональных" материальных условий и духовных (национальных, конфессиональных и др.) ценностей» [11, с. 50].

«Разработка имиджа территорий (брендинг территорий)» и «проведение местных праздников, фольклорных фестивалей, восстановление храмов, открытие новых памятников и музеев» [11, с. 78] выделяется современными исследователями как одна их форм проявления региональной идентичности в политическом пространстве России. Е.В. Николаева приводит понятие «глокализация», расшифровывая его как адаптацию глобальных трендов под местные традиции [28, с. 74].

Особое значение в контексте изучения региональной культурной специфики имеет понятие культурного ландшафта, введенное в научный оборот Ю.А. Ведениным. Он трактует понятие культурного ландшафта как «целостную и территориально-локализованную совокупность природных, технических, социально-культурных явлений, сформировавшихся в результате соединения действия природных процессов и художественно-творческой, интеллектуально-созидательно и рутинно-жизнеобеспечивающей деятельности людей» [7, с. 9]. Согласно мнению М.Е. Кулешовой, культурный ландшафт — это «природно-культурный территориальный комплекс, сформировавшийся в результате эволюционного взаимодействия природы и человека, его социокультурной и хозяйственной деятельности, и состоящий из характерных устойчивых сочетаний природных и культурных компонентов, находящихся в устойчивой взаимосвязи и взаимообусловленности» [22]. По мнению О. Лавреновой, «культурный ландшафт представляет собой знаковую систему, в

которой знаки находятся в сложных и поливалентных взаимоотношениях, поэтому его вполне можно рассматривать как текст, доступный прочтению» [23, с. 131].

При этом Ю.Р. Горелова дополняет приведенные понятия ключевой характеристикой культурного ландшафта, заключающейся в культуротворческой деятельности людей [10, с. 35].

Исследователи, в том числе Д.А. Алисов, рассматривая культурный ландшафт, выделяют в качестве основополагающей характеристики наличие информационного слоя, создающий образ ландшафта. Важной частью информационного слоя указываются представления местного населения, журналистов, ученых и других, о природном и антропогенном элементах ландшафта [2, с. 19]. Таким образом, коллективная интерпретация в данной трактовке оказывается включена в состав объекта культурного наследия. Как отмечают исследователи, «... современный культурный ландшафт любого конкретного города подобен многомерной матрешке. Город – это многослойная культурная данность, в рамках которой пересекаются различные "культурные составляющие", образующие относительно устойчивые структурные связи» [2, с. 6-7].

Принцип рассмотрения культурного ландшафта как многослойной структуры, каждый слой которой требует особого рассмотрения и прочтения на определенном языке, можно отнести и к культурному наследию в целом. Понятие идентичности в системе философского знания выступает, в первую очередь, в качестве определения единого информационного поля, обладающего определенными нормами и правилами. Влияние идентичности на характер и результат интерпретации бесспорно, что определяется в рамках настоящего исследования в формате принципа.

Верно, что «хлынувший информационный поток не оставляет ни места, на времени для превращения его в знание и освоения его в этом качестве» [29, с. 138]. Информационное потребление человека уже способно ограничиться восприятием не смыслов, а рефлексии смыслов, подменяющей

действительность [7, с. 16]. Данная ситуация отражается и на сфере образования, в том числе в части использования объектов культурного наследия в образовательных целях: «...в ситуации растущего свободного доступа к любым информационным каналам и формам образования академическое сообщество лишается своего прежнего права эксклюзивного контроля над источниками знания и путями, к нему ведущими» [19, с. 34]. Говоря о современной психологии восприятия, Н.В. Бавра утверждает: «акцент исследований смещается с изучения процессов получения информации на процессы ее организации и использования» [4, с. 37]. Развитие информационных технологий приводит к встряске устоявшейся системы. Как отмечает Р.С. Гиляревский, в контексте книжного дела в сети перестали работать общепринятые нормы – «правовые, экономические, эргономические, эстетические» [8, с. 49]. Создание новых норм продолжается значительное время и вызывает немало сложностей.

Массовая рефлексия и ретроспекция становятся проблемой современности; многократное отражение смыслов и текстов изменяет их до неузнаваемости. Кроме того, «...борьба за открытость в цифровом пространстве идет одновременно с борьбой за «право быть незамеченным» и скрытыми битвами за власть и возможность интерпретации подачи событий и фактов» [33, с. 14]. Тем более что в настоящее время «наметилась опасная тенденция... к фиксации внимания читающих на запоминании, а не осмыслении текста» [8, с. 53]. Данная ситуация позволяет сформулировать принцип цифрового воплощения материального культурного наследия: «процессы стандартизации досуга, коммерциализации культурно-досуговых учреждений, с одной стороны; развитие средств массовой коммуникации и усиление влияния средств массовой информации, с другой, делают досуг формой потребления институционально произведенных продуктов» [6, с. 135].

Массовое производство товаров широкого потребления в XX веке привело к формированию общества потребления и развитию потребительской культуры. Взамен постоянного пришло временное, сиюминутное и

одноразовое. Изменение ценностных установок общества со временем вызвало трансформацию обращения с предметами культурного наследия. Товары и услуги стали новыми символами эпохи, особой культурной ценностью, а их потребление – средством самоидентификации и конструирования индивидуальности [12, с. 92].

Исследователи отмечают, что «абсолютное большинство существующих сегодня социальных ролей и профессий могут быть оцифрованы... А это значит, что оцифрованное общество перестает быть социальным, оно становится технической реальностью, обществом без людей. А человек показывает цифре свою асоциальную антропологическую сущность. Единственное, что не умеют делать умные машины — это ставить цели. Потому что ставит цели тот, кто грезит. А умные машины не умеют это делать. Они не знают, что значит на что-либо решиться» [9, с. 67]. В максиме Фрэнсиса Бэкона «Знание само по себе – сила» содержится очевидное самообъяснение необходимости лидерства в интеллектуальной сфере. Тот, кто лучше будет понимать природу происходящих в современном мире процессов, тот в конечном итоге сможет лучше ими управлять или, как минимум, направлять их развитие [16, с. 462].

Как отмечают исследователи, «мир становится все более рефлексивным – он похож на зеркало, отражающее наши ожидания, мечты, страхи» [3, с. 117]. Во многом это вызвано медиалогической революцией, бурным развитием коммуникационной сферы, расширением цифровизации и небывалым ростом объемов информации, в том числе развитием технологий обработки Big Data. Е. Шапинская формулирует ряд проблем культурного наследия, связанных с цифровизацией общества, в том числе снижения ощущаемой ценности культурного наследия вследствие упрощения доступа к цифровым копиям. В значительной степени этот процесс отражается и на размывании границ интерпретации: «...постмодернизм, оказавший столь сильное влияние на культурную ситуацию конца XX – начала XXI века, предполагает стирание граней между высокой и массовой культурой, что ставит неподготовленного

человека в тупик в вопросах ценности и значимости многочисленных культурных и художественных текстов, реплицируемых в самых разных формах в масс-медиа и Интернете» [36, с. 268]. В научной литературе отмечается существование нескольких этапов последовательного развития носителей информации, или каналов информации – медиумов, которые носят общепринятое наименование «информационные революции», к которым относят возникновение письменной речи, создание алфавитного письма, появление книгопечатания, изобретение машиночитаемой (цифровой) записи текста, создание компьютера. Д. Эльяшевич приравнивает культуру и цивилизацию в целом к коммуникации, осуществляемой «посредством бесконечного числа различных медиумов, сопровождающих человека с момента его рождения и до последнего вздоха» [37, с. 77].

Важнейшим в сфере сохранения и использования объектов культурного наследия является принцип актуализации, служащей условием приобщения интерпретатора к культуре прошлого. Именно актуализация является одной из важнейших предпосылок понимания. Понятие «актуализация наследия» трактуется также по-разному. Ряд исследователей называет так деятельность, направленную на сохранение и включение культурного и природного наследия в современное культурное пространство путем активизации социокультурной роли его объектов и их интерпретации [см.: 17]. При этом М.Е. Каулен трактует актуализацию наследия как включение всех форм наследия в жизнь и культуру современного социума [18, с. 10].

Культурное наследие является инструментом создания индивидуальности. Отражение, трансляция, избирательная репрезентация – залог индивидуальности. Примером является сфера туризма, в стандартизированном продукте выявляющая черты индивидуальных эмоций. Следовательно, важной задачей, направленной на достижение сохранности объектов культурного наследия, становится обеспечение мотивации, вызываемой, в свою очередь, верной интерпретацией этого наследия. С учетом

объемов ансамблей кремлей, необходимо также уделить особое внимание масштабности инвестиций на сохранение данных сооружений.

Обращение к культурному наследию также является одним из вектором самоотождествления человека с гранями историко-культурной реальности [15, с. 6]. Сопричастность определенной эпохе, близость собственных духовных воззрений мировоззрению человека иной эпохи к настоящему моменту является модным явлением, причем в следовании этой моде невозможно обойтись без обращения к объектам культурного наследия как маркерам иных эпох. При закреплении в сознании человека, образы, вызванные объектами наследия, получают ценностно-смысловую значимость и эмоциональную окраску. Одновременно в восприятии человека данные образы неминуемо «вступают во взаимодействие с границами его идентичности» [15, с. 8]. Объекты культурного наследия выступают некими зримыми символами эпох, верстовыми столбами истории. Как отмечают современные исследователи, «в результате одни грани культуры могут позиционироваться человеком как чуждые или «иные», а другие восприниматься как близкие, сопричастные и в итоге тождественные его идентичности» [15, с. 6].

На современном этапе развития общества и культуры особое значение приобретает принцип деконструкции, активно применяемый современными постмодернистскими творцами. Создание новых культурных ценностей при этом заключается в разрушении текста, разделении его на цитаты и узнаваемые элементы, и сложении в новую конструкцию, что меняет само понимание текста. В данном случае произведения различных жанров становятся самостоятельными семиотическими системами. Как известно, смысл текста не замыкается на простой сумме смыслов предложений и слов, входящих в него. Скрытый смысл, или подтекст, подчас может диаметрально изменить значение интерпретируемого текста. Культурное наследие как сформированный и устоявшийся духовный текст, обладающий свойствами стабильности, также на протяжении значительного времени оказывается разорванным на цитаты,

получающими развитие в новых произведениях. Подобную практику можно проследить на примере архитектурных сооружений.

Автором ранее был рассмотрен вопрос архитектурной преемственности, а фактически – репрезентации региональных традиций [30; 31]. Как установлено в ходе исследования, Никольская церковь (1666 г.) Варнавинского монастыря на Ветлуге, является воплощением композиции каменного храма-памятника в дереве. В пользу этого предположения говорят характерные пропорции высот четверика и восьмерика, а также хронологическая и территориальная близость «образца» – Архангельского собора и «повторения» – Никольской церкви. В контексте настоящего материала в качестве конкретного примера интерпретации наследия следует кратко изложить полученные результаты.

Никольский храм города Варнавина, устроенный после канонизации основателя Варнавиной пустыни Варнавы Ветлужского в 1639 г., в общих пропорциях повторяет облик каменных шатровых храмов Нижегородского Поволжья: Никольской церкви Балахны, Архангельского собора Нижегородского кремля, надвратной церкви Печерского монастыря в Нижнем Новгороде. В сравнении с указанными сооружениями Никольский варнавинский храм является следствием и продолжением мемориальных церквей-памятников историческим событиям. Тесно экономически и административно связанный с Нижним Новгородом Варнавинский монастырь имел и архитектурные связи с городом. К особенностям храмов этого региона относится устройство на кубическом четверике невысокого восьмерика, который не превышает, как правило, трети высоты четверика и завершается высоким шатром с одной главой.

Таким образом, развитие типологии деревянной церкви в регионе Нижегородского Поволжья и Поветлужья основано на прямой цепи ключевых «образцовых» сооружений. Это в целом повторило трансформацию шатрового завершения в ярусное с некоторыми региональными особенностями композиции и пропорций. Пропорции композиции Никольского храма в той или иной степени проявились в облике ряда характерных ярусных храмов,

срубленных в районе Костромского Поветлужья – верховий бассейна реки Ветлуги, объединяющих восточную часть территории Костромской губернии.

Важнейшей категорией, меняющей познание культурного наследия, является время. В герменевтической методике мы встречаемся с различным пониманием времени: как дистанции между творцом и интерпретатором, как компонента традиции, и т.д. Как отмечает Л.А. Микешина, «в традиционной гносеологии, следующей образцам и критериям классического естествознания, рассмотрение феноменов познания и создание соответствующих абстракций осуществлялись без учета времени» [25, с. 23]. При этом «изменение познания во времени – историчность – рассматривали за пределами собственно теории познания, преимущественно в истории науки, истории философии или в антропологических исследованиях» [25, с. 88-89]. Темпоральности культурного наследия уделяется сравнительно меньшее внимание, нежели иным характеристикам. Как известно, «познаваемая реальность меняется во времени и вместе с тем во времени и в культуре меняются формы и способы ее восприятия, познания и конструирования» [26, с. 8]. Следовательно, возможно сформулировать принцип темпоральности интерпретации культурного наследия.

Как известно, специфическим предметом гуманитарного познания являются смыслы, выраженные через семиотические системы – тексты: «Все герменевтические вопросы возникли там, где слово осознается как знак, использующийся для передачи сообщения, и где встает проблема понимания таких знаков» [21, с. 16]. Тексты содержат как собственно слагаемые в них смыслы, так и субъективное авторское отражение этих смыслов. Рассматривая семиотическую природу гуманитарного знания, В.Г. Кузнецов отмечает: «любой объект, являющийся творением человеческого духа и имеющий знаковую природу, может быть возможным или является действительным текстом» [21, с. 128]. Также философ вовсе ограничивает предмет гуманитарных наук текстами. По указанию исследователя, «текстовая природа гуманитарных наук обуславливает некоторые особенные признаки,

характерные для всех гуманитарных наук и являющиеся одновременно отличительными признаками, несвойственными естественным и общественным наукам» [21, с. 129]. В данном контексте можно сформулировать принцип семиотической природы культурного наследия.

Культурное наследие и культурные ценности отражаются в различных семиотических системах в качестве «текстов». Однако при этом существует ряд системных особенностей. Во-первых, объекты культурного наследия могут быть «прочитаны» в нескольких семиотических системах одновременно. Например, архитектурное сооружение является зримым свидетельством развития технологии строительства, декора, особенности планировки и историю реконструкций. Каждый из указанных факторов должен анализироваться особо. Во-вторых, культурное наследие, как правило, создано в иную эпоху и находится на заметной дистанции от своего интерпретатора. Покрываясь «патиной времени», имеющей собственное смысловое содержание, культурное наследие невозможно полностью оценить исключительно с точки зрения нашего современника. Наслоение уровней синтеза информации создает необходимость внедрения особых инструментов интерпретации, характерных лишь для культурного наследия. Стоит отметить, что формирование подобной полноценной методики интерпретации является перспективной научной задачей.

В целом, по итогам проведенного анализа следует сформировать несколько принципов интерпретации культурного наследия, определяющих ее специфику:

1. Принцип "осовременивания" предмета интерпретации.
2. Принцип идентичности.
3. Принцип цифрового воплощения материального культурного наследия.
4. Принцип актуализации культурного наследия.
5. Принцип деконструкции.
6. Принцип темпоральности интерпретации культурного наследия.
7. Принцип семиотической природы культурного наследия.

Список литературы:

1. Закон от 9 октября 1992 года № 3612-1 «Основы законодательства Российской Федерации о культуре» [Электронный документ] // КонсультантПлюс [сайт]. 2021. URL: <https://bit.ly/3sEHak4> (дата обращения: 01.04.2021).
2. Алисов Д.А. Культурный ландшафт малого города: вопросы теории и методологии // Культурные ландшафты сибирского города: проблемы теории и практики: сборник научных работ / Под ред. Д.А. Алисова, И.А. Селезневой. М.: Институт Наследия, 2019. С. 4-17.
3. Ахромеева Т.С., Малинецкий Г.Г., Посашков С.А. Взаимодействие искусства и науки в контексте синергетики // Обсерватория культуры. 2019. Т. 16. № 2. С. 116-127.
4. Бавра Н.В. Поиски новой парадигмы в психологии восприятия // Философия о предмете и субъекте научного познания / Под ред. Э.Ф. Караваева, Д.Н. Разеева. СПб.: Санкт-Петербургское философское общество, 2002. С. 37-46.
5. Бодийяр Ж. Общество потребления: его мифы и структуры / Пер. с фр. и вступ. ст. Н.С. Автономовой. М.: «Ad Marginem», 2000. 512 с.
6. Бундин Ю.И. Цивилизация досуга: история и современность // Мир цивилизаций и «современное варварство»: роль России в преодолении глобального нигилизма: Коллективная монография по материалам XVI Международных Панаринских чтений / Отв. ред. В.Н. Расторгуев; науч. ред. А.В. Никандров / Рос. науч.- исслед. ин-т культурного и природ. наследия им. Д.С. Лихачёва (Институт Наследия); Московский гос. ун-т имени М.В. Ломоносова, Филос. ф-т. М.: Институт Наследия, 2019. С. 126-136.
7. Веденин, Ю.А. Очерки по географии искусства. М.: Российский научно-исследовательский институт культурного и природного наследия, 1997. 224 с.
8. Гиляревский Р.С. Чего мы ждем от книги и книговедения в ближайшие годы? // Труды Санкт-Петербургского государственного института культуры.

Книга и книжное дело в XIX-XX веке. Смирдинские чтения. 2018. Т. 217. С. 48-54.

9. Гиренок Ф.И. Глобальный нигилизм с точки зрения археоавангарда // Мир цивилизаций и «современное варварство»: роль России в преодолении глобального нигилизма: Коллективная монография по материалам XVI Международных Панаринских чтений / Отв. ред. В. Н. Расторгуев; науч. ред. А.В. Никандров / Рос. науч.- исслед. ин-т культурного и природ. наследия им. Д.С. Лихачёва (Институт Наследия); Московский гос. ун-т имени М.В. Ломоносова, Филос. ф-т. М.: Институт Наследия, 2019. С. 63-67.

10. Горелова Ю.Р. Библиотеки и музеи в культурном ландшафте современного Омска // Культурные ландшафты сибирского города: проблемы теории и практики: сборник научных работ / Под ред. Д.А. Алисова, И.А. Селезневой. М.: Институт Наследия, 2019. С. 34-45.

11. Региональная культурная политика: методология, институты, практики: Ценностно-нормативный подход: монография / И.И. Горлова, Т.В. Коваленко, А.В. Крюков и др.; отв. ред. А.Л. Зорин; Юж. ф-л Рос. науч.-иссл. ин-та культурного и природ. наследия им. Д.С. Лихачёва. М.: Ин-т Наследия, 2019. 206 с.

12. Ересова В.В. Модернизация музейной коммуникации в условиях общества потребления // Вестник Санкт-Петербургского государственного института культуры. 2019. № 2 (39). С. 92-96.

13. Ефимец М.А., Мерзлов Н.Г., Шаповалов Д.В. Культурные интересы устойчивого города в контексте благосостояния региона: Новоуральский городской округ // Обсерватория культуры. 2019. Т. 16. № 2. С. 142-155.

14. Закунов Ю.А. Аксиологические основы государственной культурной политики // Россия как государство-цивилизация: высшие цели и альтернативы развития: Коллективная монография по материалам Юбилейных международных Панаринских чтений, посвященных 75-летию со дня рождения А.С. Панарина / Отв. ред.: В.Н. Расторгуев; науч. ред.: А.В. Никандров / Рос. науч.-исслед. ин-т культурного и природ. наследия им. Д.С. Лихачёва (Ин-т

Наследия); Мос. гос. ун-т им. М.В. Ломоносова, Филос. ф-т. М.: Институт Наследия. 2016. С. 249-267.

15. Иконникова С.Н., Леонов И.В. Основные векторы самоотождествлений в формировании культурной идентичности // Вестник Санкт-Петербургского государственного института культуры. 2019. № 2 (39). С. 6-10.

16. Инюшин В.В. Кризис гуманитарного знания и реальная картина мира. Место России // Мир цивилизаций и «современное варварство»: роль России в преодолении глобального нигилизма: Коллективная монография по материалам XVI Международных Панаринских чтений / Отв. ред. В.Н. Расторгуев; науч. ред. А.В. Никандров / Рос. науч.- исслед. ин-т культурного и природ. наследия им. Д.С. Лихачёва (Институт Наследия); Московский гос. ун-т имени М.В. Ломоносова, Филос. ф-т. М. : Институт Наследия, 2019. С. 459-467.

17. Словарь актуальных музейных терминов (авт.-сост. М.Е. Каулен, А.А. Сундиева, И.В. Чувилова, О.Е. Черкаева, М.В. Борисова, Л.П. Хаханова, Л.И. Скрипкина) // Музей. 2009. № 5. С. 49-68.

18. Каулен М. Е. Музей и наследие // Музей. 2009. № 5. С. 10-19.

19. Кирилловых А.А. Российские вузы в международной конкурентной среде: организационные и правовые основы развития // Юрист вуза. 2019. № 8 (186). С. 31-36.

20. Кокшенева К.А. Концепт «русская культура» и современные практики культурного наследования [Электронный ресурс] // Российский научно-исследовательский институт культурного и природного наследия им. Д.С. Лихачёва [сайт]. 2019. URL: <https://bit.ly/3ucCSAM> (дата обращения: 01.04.2021).

21. Кузнецов В.Г. Герменевтика и гуманитарное познание. М.: Изд-во МГУ, 1991. 192 с.

22. Кулешова М. Е. Управление культурными ландшафтами и иными объектами историко-культурного наследия в национальных парках. Типы

наследия и его предметная ценность [Электронный ресурс] // Центр охраны дикой природы [сайт]. URL: <https://bit.ly/3ds53F4> (дата обращения 01.04.2021).

23. Лавренова О. А. Образ Места и его значение в культуре провинции // Геопанорама русской культуры: Провинция и ее локальные тексты. М.: Языки славянской культуры, 2004. С. 101-123.

24. Лосский Н.О. История русской философии. Пер. с англ. М.: Советский писатель, 1991. 480 с.

25. Микешина Л.А. Философия познания. Полемические главы. М.: Прогресс-Традиция, 2002. 624 с.

26. Микешина Л.А. Диалог когнитивных практик. Из истории эпистемологии и философии науки. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010. 575 с.

27. Мосолова Л.М. Регионалистика и аксиология // Этическое и эстетическое: 40 лет спустя. СПб.: Санкт-Петербургское философское общество, 2000. С. 101-103.

28. Николаева Е.В. Символическое взаимодействие столицы и регионов как механизм формирования социокультурного единства России // Образование и культура: потенциал взаимодействия и ресурсы НКО в социокультурном развитии регионов России. Теория и практика социокультурного развития: Сборник материалов III Культурного форума регионов России. Москва-Волгоград-Новосибирск-Рязань-Сыктывкар, (февраль-сентябрь 2017 г.). Вып. 2 / Сост. и общ. ред.: О.Н. Астафьева и О.В. Коротева. М.: ИП Лядов К.В., 2017. С. 74-79.

29. Оганов А.А., Хангельдиева И.Г. Преодоление культурного и образовательного консерватизма – путь к новым моделям образования // Обсерватория культуры. 2019. Т. 16. № 2. С. 128-141.

30. Пиляк С.А. Деревянные церкви Варнавинского уезда Костромской губернии // Научный сборник Костромского архитектурно-этнографического музея-заповедника «Костромская слобода», посвященный 55-летию

Костромского музея деревянного зодчества. / Отв. Ред. Т.Г. Гончарова. Кострома: ГП «Областная типография им. М. Горького», 2015. С. 39-66.

31. Пиляк С.А. Архетипы ярусных храмов Поветлужья // Костромской гуманитарный вестник: рецензируемый периодический научный журнал. 2014. № 1(7). С. 49-53.

32. Ройфе А.Б. Культура регионов России в контексте культурологии М.С. Кагана // Образование и культура: потенциал взаимодействия и ресурсы НКО в социокультурном развитии регионов России. Теория и практика социокультурного развития: Сборник материалов III Культурного форума регионов России. Москва-Волгоград-Новосибирск-Рязань-Сыктывкар, (февраль-сентябрь 2017 г.). Вып. 2 / Сост. и общ. ред.: О.Н. Астафьева и О.В. Коротева. М.: ИП Лядов К.В., 2017. С. 38-43.

33. Русаков А.Ю. Эхо-камеры в современной массовой культуре // Вестник Санкт-Петербургского государственного института культуры. 2019. № 2 (39). С. 11-15.

34. Сенюшкина, Т.А. Кризис идентичности и цивилизационное наследие Православной культуры // Россия как государство-цивилизация: высшие цели и альтернативы развития: Коллективная монография по материалам Юбилейных международных Панаринских чтений, посвященных 75-летию со дня рождения А.С. Панарина / Отв. ред.: В.Н. Расторгуев; науч. ред.: А.В. Никандров / Рос. науч.-исслед. ин-т культурного и природ. наследия им. Д.С. Лихачёва (Ин-т Наследия); Мос. гос. ун-т им. М.В. Ломоносова, Филос. ф-т. М.: Институт Наследия. 2016. С. 173-182.

35. Улинова И.Х. Значение культурных индустрий в сохранении этнического своеобразия калмыков // Вестник Санкт-Петербургского государственного института культуры. 2019. № 2 (39). С. 34-39.

36. Шапинская Е.Н. Эстетические ценности классического наследия в пространстве массовой культуры: вызовы времени и возможные ответы // Россия как государство-цивилизация: высшие цели и альтернативы развития: Коллективная монография по материалам Юбилейных международных

Панаринских чтений, посвященных 75-летию со дня рождения А.С. Панарина / Отв. ред.: В.Н. Расторгуев; науч. ред.: А.В. Никандров / Рос. науч.-исслед. ин-т культурного и природ. наследия им. Д.С. Лихачёва (Ин-т Наследия); Мос. гос. ун-т им. М.В. Ломоносова, Филос. ф-т. М.: Институт Наследия. 2016. С. 268-278.

37. Эльяшевич Д.А. Книговедение: жизнь после смерти // Труды Санкт-Петербургского государственного института культуры. Книга и книжное дело в XIX-XX веке. Смирдинские чтения. 2018. Т. 217. С. 55-81.

38. Breton R. *Ethnic relations in Canada: institutional dynamics*. Montreal: McGill-Queen's University Press, 2005. XXVII, 398 p.

Сведения об авторе:

Пиляк Сергей Александрович – кандидат архитектуры, доцент кафедры архитектурной среды и технической графики Смоленского государственного университета (Смоленск, Россия).

Pilyak Sergey Aleksandrovich – Candidate of Architecture, Associate Professor of Architectural Environment and Technical Graphics Department, Smolensk State University (Smolensk, Russia).

E-mail: s.pilyak@mail.ru.